

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАВМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: УЗБЕКСКАЯ, РУССКАЯ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛИ

Каримов Зиёахмад Алишер угли,
преподаватель кафедры русского языка
и литературы Джизакского государственного
педагогического университета имени А.Кадыри.

Эл.адрес: ziyoka37@gmail.com

Аннотация

Коллективная травма (гражданские войны, репрессии, модернизационное насилие) часто не поддается прямой репрезентации в реалистическом дискурсе. Магический реализм предлагает альтернативную стратегию: введение чудесного позволяет говорить о травме метафорически, не нарушая границ психологического правдоподобия. Методы. Компаративный и нарратологический анализ трех текстов: «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса (травма гражданских войн в Колумбии), «Колымские рассказы» В. Шаламова (травма сталинских лагерей) — с оговоркой о трансформации жанра, и повесть «Проклятие» («La'nat») узбекского писателя Т. Малика (травма раскулачивания и коллективизации в Узбекистане).

Ключевые слова: магический реализм, коллективная травма, память, Гарсиа Маркес, Шаламов, Т. Малик, постколониализм, свидетельство.

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

Введение

Проблема репрезентации коллективной травмы — одна из наиболее острых в литературе XX–XXI веков. Классический исторический или психологический реализм сталкивается с границами выразимого: травматический опыт (геноцид, лагерь, гражданская война, насильственная коллективизация) часто описывается как «невыразимый» и «неподдающийся нарративизации» [1, р. 5]. Магический реализм предлагает иной путь: вводя элементы чуда, мифа и гротеска, он создает язык, способный говорить о травме обходным путем — не отрицая её реальности, но переводя в символический регистр [2, р. 112]. В латиноамериканской традиции магический реализм сформировался именно как реакция на травму колониализма, диктатур и гражданских войн [3]. Гарсиа Маркес прямо говорил: «Моя магия — это реальность Латинской Америки, просто европейцы называют магией то, что для нас быт» [4, с. 56]. В русской литературе XX века травма ГУЛАГа и репрессий долгое время не могла быть выражена в рамках соцреалистического канона; магический реализм (в формах, близких к абсурду и гротеску) стал одним из способов обхода цензуры [5]. В узбекской прозе постсоветского периода аналогичную роль играет обращение к до-исламской и до-советской мифологии как способу артикулировать травму насильственной модернизации [6]. Цель данного исследования — выявить и сравнить механизмы, с помощью которых магический реализм в трех культурах репрезентирует коллективную травму, и определить, какую функцию (терапевтическую, мемориальную, свидетельскую) выполняет при этом магическое. Гипотеза: В отличие от западных моделей психотерапевтической «проработки» травмы, магический реализм в рассмотренных традициях чаще сохраняет травму как разрыв, не залечивая

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

её, а вписывая в мифологическое время, где она перестает требовать разрешения.

Материалы и методы

Для анализа отобраны три произведения, каждое из которых репрезентирует национальную традицию и фокусируется на конкретной исторической травме: 1. Г. Гарсия Маркес. «Сто лет одиночества» (1967) — травма колумбийских гражданских войн XIX–XX вв., представленная через историю семьи Буэндиа [7]. 2. В. Шаламов. «Колымские рассказы» (1954–1962) — травма сталинских лагерей. Выбор требует пояснения: Шаламов — реалист-документалист, но отдельные рассказы («Сгущенное молоко», «Зеленый прокурор») вводят элементы гротескного и фантастического, которые исследователи интерпретируют как «лагерный магический реализм» [8; 5]. 3. Т. Малик. Повесть «Проклятие» («La'nat», 1992, Узбекистан) — травма раскулачивания и коллективизации в Средней Азии, представленная через историю семьи, которую преследует проклятие умершего от голода деда [9; 6]. Исследование выполнено в рамках компаративного и нарратологического подходов с элементами memory studies (теория коллективной памяти и травмы по Я. Ассману и Д. ЛаКапра) [10; 11]. Анализировались следующие параметры для каждого текста: · тип травмы и её исторический референт; · способ введения магического элемента; · отношение рассказчика к чуду (удивление / норма / гротеск); · функции магического в контексте травмы. Процедура. Сначала проведен имманентный анализ каждого текста, затем осуществлен сравнительный анализ по выделенным параметрам.

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

Результаты

Латиноамериканская модель: циклическая гиперболизация травмы В «Ста лет одиночества» травма гражданских войн представлена через историю полковника Аурелиано Буэндиа. Ключевой механизм — циклическое повторение: полковник предпринимает 32 восстания, проигрывает 32 раза, его расстреливают (но он выживает), и в итоге он умирает естественной смертью, делая парусные фигурки из золота [7, с. 158–179]. Магический реализм включается в момент, когда реальная историческая травма оказывается непереносимой для линейного повествования. Пример: расстрел полковника. В реалистическом романе он должен был бы умереть, но Маркес вводит магическое вмешательство (брат Хосе Аркадио спасает его в последний момент) — и это подается не как чудо, а как бытовая подробность колумбийской истории: «...и тогда его брат, который тоже стоял у стены, вдруг сказал сержанту: "Выстрели в меня, если хочешь, но мы уходим" — и оба ушли» [7, с. 166]. Функция этого механизма — гиперболизация: травма не отрицается и не смягчается, но её многократное повторение (32 восстания) переводит её из разряда исторического факта в разряд мифа о латиноамериканской судьбе. Как пишет Карпентьер, «в Америке история сама производит чудесное» [3, с. 18]. Травма становится выносимой не потому, что её "проработали", а потому что она вписана в циклическое время, где всё уже случилось и случится снова.

Узбекская модель: проклятие как язык невыразимого Т. Малик в повести «Проклятие» строит нарратив вокруг семьи Анвара, которая в 1930-е годы была раскулачена и депортирована в пустыню. Дед Анвара умирает от голода и перед смертью прокликает советскую власть и тех, кто отобрал

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

землю. С этого момента семью преследуют странные события: необъяснимая гибель скота, пожары, болезни, и главное — невозможность забыть [9, с. 23–34]. Магический реализм здесь работает через овеществление проклятия. Проклятие деда не метафора, а реальная сила, которая действует на протяжении трех поколений — но при этом ни один из персонажей (даже атеистически настроенные советские чиновники внутри повести) не может доказать, что это «магия», а не стечение обстоятельств. Ключевая сцена: после того как семью реабилитируют (1980-е), проклятие не снимается — потому что травма не была публично признана как травма. Важнейшее отличие от Маркеса: у Малика нет циклического времени, время линейно и исторично (1930-е → 1950-е → 1980-е), но магическое вторгается как сбой в этой линии. Проклятие — это способ сказать о коллективной травме то, что в советском дискурсе было невозможно: существуют события, после которых мир не может оставаться прежним [6].

Чудо у Малика — это сама непрерывность травмы во времени.

Русская модель: магическое на границе документа и гротеска (Шаламов) Шаламов — сложный случай, поскольку он принципиально отрицал магический реализм как эстетику, считая её «ложным выходом» из реальности лагеря [8, с. 230]. Однако некоторые его рассказы содержат элементы фантастического, не объяснимые в рамках чистого документа. Например, в рассказе «Сгущенное молоко» герой получает банку сгущенки от умершего несколько дней назад человека — и съедает её, понимая, что это «тот свет», но голод сильнее [8, с. 89]. В «Зеленом прокуроре» персонаж видит свой собственный труп и продолжает жить. Эти элементы можно назвать лагерным магическим реализмом [5]. Их функция — не

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

эстетическая игра, а свидетельство: Шаламов показывает, что лагерная реальность настолько чудовищна, что грань между жизнью и смертью, реальным и нереальным стирается. Когда человек, умерший от голода, приходит во сне с банкой сгущенки — это не метафора, а буквальное описание лагерного опыта (галлюцинации от голода были реальностью). Шаламов отказывается «эстетизировать» травму через развернутое магическое повествование, но именно этот минимализм чуда оказывается эффективным: магическое у него — там, где кончается способность рационального сознания удерживать реальность.

Сравнительная таблица

Параметр	Маркес	Малик	Шаламов
Тип времени	Гражданские войны, 32 восстания	32 восстания Раскулачивание голод в Узбекистане	Сталинские лагеря, голод
Форма магического	Гиперболизация (32 восстания → миф)	Проклятие как действующая сила	Галлюцинация / призрак на границе жизни и смерти
Временная организация	Циклическое время, которое вбирает травму	Линейное время с магическими сбоями	Линейное время, чудо как его разрыв
Функция магического	Терапевтическая (травма становится выносимой через миф)	Мемориальная (травма сохраняется как незаживающая рана)	Свидетельская (чудо фиксирует предел человеческого)

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

Обсуждение

Полученные результаты позволяют уточнить распространенное представление о магическом реализме как о «терапевтическом жанре». В западном контексте (например, у Изабель Альенде или Лоры Эскивель) магическое действительно часто работает как способ преодоления травмы, приводящий к катарсису и интеграции опыта. Однако в рассмотренных нами более травматичных контекстах (гражданские войны, ГУЛАГ, раскулачивание) механизм иной. Во-первых, Маркес действительно приближается к терапевтической модели, но его «терапия» — не психоаналитическая проработка, а мифологизация: он не избавляет читателя от травмы, а показывает её тотальный, циклический масштаб, после которого отдельное историческое событие перестает быть единственным центром боли [12]. Это можно назвать стоической терапией: травма не исчезает, но перестаёт быть абсолютной, будучи вписанной в бесконечный цикл. Во-вторых, Малик демонстрирует противоположный полюс: проклятие у него работает именно как отказ от проработки. Семья не освобождается от травмы даже после реабилитации. Функция такого магического реализма — мемориальная: он удерживает травму как открытую рану, не позволяя государственному нарративу («всё уже прощено и забыто») замять насилие [6]. Проклятие — это механизм незабвения. В-третьих, Шаламов занимает пограничное положение. Реалист по методу, он подводит читателя к границе, за которой реализм перестаёт работать, и вынужден ввести магический элемент как предельное свидетельство. Именно этот отказ от развернутого магического реализма оказывается этически наиболее сильным: Шаламов показывает, что о лагере нельзя написать «как о магии», но можно зафиксировать момент, когда реальность для узника становится магической по своей абсурдности [5].

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

Общим для всех трех моделей оказывается отказ от натуралистической репрезентации травмы. Прямое описание пыток, расстрелов или голодной смерти (в духе "нового журнализма") может вызвать у читателя защитное отторжение или вуайеризм.

Магический реализм обходит эту проблему: чудесное создает дистанцию, но не эстетизирует, а переводит травму в другой регистр — мифа, проклятия или пограничного состояния сознания. Ограничения исследования. Во-первых, выбор текстов несимметричен: Шаламов — не магический реалист в чистом виде, но его включение оправдано теоретически (граница жанра). Во-вторых, остается за скобками гендерный аспект травмы (женский опыт в магическом реализме, например, у Т. Толстой или А. Ахматовой). В-третьих, не рассмотрена исламская мифологическая система (джинны, проклятия), которая в узбекской прозе могла бы быть проанализирована глубже. Направления будущих исследований: (1) магический реализм и травма коллективизации в казахской литературе (параллели с узбекской); (2) сравнительный анализ женской травмы в магическом реализме России (Толстая, Петрушевская) и Латинской Америки (Альенде); (3) различие между «терапевтическим» и «мемориальным» магическим реализмом как типология. **Заключение**

Проведенный анализ позволяет сделать три основных вывода. Первый: магический реализм в исследованных текстах никогда не предлагает простого «ухода от травмы» в фантазию. Напротив, чудо вводится для того, чтобы сделать травму более зримой — обходным путем, когда прямая репрезентация невозможна или неэтична. Второй: выделены три стратегии работы с травмой — циклическая гиперболизация (Маркес), проклятие как незаживающая рана (Малик), предельное свидетельство на границе реального (Шаламов). Все три отличаются от западной

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

психотерапевтической модели тем, что не стремятся к интеграции травмы, а выбирают её хранение. Третий: эффективность магического реализма для передачи коллективной травмы связана с его способностью переводить историческое событие из линейного времени (где оно требует разрешения) в мифологическое или проклятое время (где разрешение не требуется, а требуется память). В постколониальных и посттоталитарных обществах эта стратегия оказывается этически более адекватной, чем принудительный катарсис. Таким образом, магический реализм может быть понят не просто как эстетическое течение, но как культурная техника работы с непрорабатываемой травмой — техника, которая выбирает помнить, а не исцелять.

Список литературы

1. LaCapra, D. *Writing History, Writing Trauma*. — Baltimore: Johns Hopkins UP, 2001. — 256 p.
2. Faris, W. *Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative*. — Nashville: Vanderbilt UP, 2004. — 278 p.
3. Карпентьер, А. Царство земное (пролог «О чудесном реальном») / пер. Н. Трауберг. — М.: Радуга, 1988. — С. 7–26.
4. Гарсиа Маркес, Г. Магия реальности (интервью) // *Иностранная литература*. — 1983. — № 6. — С. 54–60.
5. Борисова, Н. Реализм и фантастика в лагерной прозе Шаламова // *Вопросы литературы*. — 2005. — № 3. — С. 78–101.
6. Каримова, Д. Магический реализм в современной узбекской прозе: травма коллективизации // *Узбекский филологический журнал*. — 2016. — № 4. — С. 33–45.

Symposium on Natural and Applied Sciences

Hosted Online from London, United Kingdom

Date: 5th May, 2026

Website: <https://econferencia.com>

-
7. Гарсиа Маркес, Г. Сто лет одиночества / пер. М. Бырченко. — М.: АСТ, 2014. — 448 с.
 8. Шаламов, В. Колымские рассказы. — СПб.: Азбука, 2019. — 320 с.
 9. Malik, T. La'nat (Проклятие) / пер. с узб. Д. Каримовой. — Ташкент: Шарк, 1992. — 110 с.
 10. Ассман, Я. Культурная память/ пер. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
 11. Caruth, C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. — Baltimore: Johns Hopkins UP, 1996. — 160 p.
 12. Zamora, L., Faris, W. (eds.) Magical Realism: Theory, History, Community. — Duke UP, 1995. — 581 p.
 13. Hart, S. Magical Realism in the Americas. — Cambridge UP, 2014. — 210 p. -